ДОГОНЯЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ И СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА: ВОЗМОЖНА ЛИ ПОСТКРИЗИСНАЯ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ?[1]

К. П. Юрченко, О. В. Башорина

В статье приводится краткий обзор воззрений на возможные пути модернизации российской экономики, которые стали весьма актуальными в контексте продолжающегося кризиса. Показано, что обсуждение проблем модернизации, инициированное экономическими властями в контексте экономического отставания страны, все больше смещается в институциональную плоскость. А ведь еще недавно спор велся между теми, кто считал необходимой лишь технологическую модернизацию, и сторонниками комплексной модернизации, включающей институциональный компонент. С течением времени становится ясно, что второй вариант более целесообразен.

Идеи модернизации экономик возникли достаточно давно — еще в эпоху промышленной революции, и были связаны поначалу с технологическим перевооружением. Технологический прогресс, начавший свой разбег в XVIII в., обеспечивал рост потребления и улучшение качества жизни, он открывал новые возможности совершенствования техники и делал страны, вставшие на путь техногенного развития, более сильными. Неудивительно, что традиционные общества не выдерживали конкуренции при столкновении с техногенной цивилизацией. Многие из них просто исчезали, поглощенные техногенными обществами, а некоторые превращались в колонии.

Но существовали и такие традиционные общества, которые, чтобы сохранить свою самостоятельность, становились на путь модернизации. Это был особый путь перехода в русло техногенного развития, основанный на заимствовании западных технологий, а вместе с ними — и определенных пластов западной культуры, которая внедрялась в традиционную. Все это вместе приводило и к постепенной институциональной трансформации государств. Именно так возникли широко обсуждаемые сегодня проблемы догоняющих модернизаций и реформ.

Страны, сумевшие успешно пройти этот путь, вошли в число развитых, сохранив многие черты самобытности (например, Япония, осуществлявшая серию реформ с середины XIX в.; страны Тихоокеанского региона, например, Южная Корея, совершившая рывок в современное технологическое развитие во второй половине XX в.; Китай, динамично развивающийся с 70-х гг. XX в.).

На этот же путь однажды встала и российская экономика. История России (начиная с реформ Петра I) — это во многом история догоняющих модернизаций. Впрочем, и после Петра I страна переживала крупные модернизации, которые больше напоминали насаждаемые авторитарной властью прививки западного опыта, как правило, вопреки сопротивляющемуся большинству. Итогом модернизаций XVIII в. стало то, что в России появились заводы, промышленность, западные привычки, новая армия и наука. Но уклады традиционной жизни сохранялись в большей массе населения. России так и не удалось заимствовать западный гражданский строй, несмотря на восприятие некоторых элементов экономики и даже быта. Такое гибридное состояние приводило к тому, что Россия никак не могла войти в русло ускоренного динамичного прогрессивного развития, которым шел технологически прорыночно ориентированный Запад.

Это стало причиной новых отставаний и новых модернизаций: крестьянская реформа Александра II, большевистская революция. Последняя имела важным экономическим следствием ускоренную индустриализацию страны, потребовавшую сверхнапряжения общества и приведшую к разорению деревни. Тем не менее, именно благодаря ей Советский Союз вошел в число сверхдержав.

Новый цикл отставания обозначился в 1970-х гг., когда индустриально развитые страны не только Запада, но уже и Востока осуществили научно-техническую революцию, создавшую реальные предпосылки для перехода к информационному обществу, а СССР, будучи закрытым обществом, оказался невосприимчивым к новым информационным технологиям. Реформы, начавшиеся в 1984 г. и ускорившиеся после 1991 г., как во всех догоняющих модернизациях, были ориентированы на западные об-

[1] Исследование поддержано ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (ГК 02.740.11.5234).

щества, на заимствование их структуры жизни. Исторические аналогии говорят, что такие периоды бывали, все это проходило и со временем обстановка, как правило, нормализовывалась (см. напр. [1, 4, 6]). Но сегодня ситуация особая, поскольку индустриальный, техногенный тип развития в значительной степени уже исчерпал свои возможности.

Поиск новых стратегий развития, обеспечивающих переход к постиндустриальному информационному обществу, представляет собой исторический вызов, который был брошен России два десятилетия назад. Но ответить на него она пока не смогла.

Очевидно, что реализуя свой модернизационный потенциал, Россия будет тяготеть к воспроизводству экономического и социального развития Запада второй половины XX в., тогда как другие страны уже будут реализовывать новые стратегии развития. В таком случае Россия утратит статус страны, которая существенно влияет на мировые процессы, оставаясь во втором или третьем эшелоне движения к новому циклу развития современного общества. На сегодняшний день сложно предположить иной сценарий, несмотря на то, что ненулевая вероятность иных альтернатив развития все же сохраняется.

Стратегия модернизации должна на чем-то якориться. В любой версии идеологией модернизации должно стать превращение России в страну европейской экономической, социальной и политической культуры: ориентир, или якорь, здесь очевиден.

В 2008 г., накануне кризиса, российскими экономическими властями был объявлен курс на модернизацию в виде стратегии четырех И: инновации, институты, инфраструктура, инвестиции. Однако развернувшийся во второй половине года кризис не позволил предпринять реальных шагов в направлении реализации заявленной стратегии. Вместе с тем показавшая свою уязвимость слабодиверсифицированная структура экономики, весьма красноречиво указывала на то, что изменения крайне необходимы. Если до кризиса, обнаружившего фатальный сбой модели экономического роста России, еще можно было надеяться на дальнейшее развитие, то сейчас будущее российской экономики выглядит перспективно только через призму мощного технологического прорыва — через модернизацию. Вследствие последнего, вместо ресурсоориентированной экономики, подверженной «ресурсному проклятью» и страдающей «голландской болезнью», должна появиться обновленная экономическая система, в основе структуры которой лежат перерабатывающие отрасли, а также опирающийся на них постиндустриальный сектор. В заявлении экономических властей нередко звучат призывы к стимулированию инновационного роста, что вполне понятно: высокий статус страны, к которому они стремятся, трудно поддерживать за счет традиционных экстенсивных факторов: населения, ВВП, мощных армии и флота, атомного оружия, полетов в космос и реальных успехов фундаментальной науки. Однако рост инновационных секторов невозможен сам по себе. Для того чтобы, например, 1000 человек работали в инновационной сфере в бизнесе, нужны десятки тысяч работающих в академической науке, в отраслевой науке, в вузах и сфере образования в целом. Таким образом, речь идет о том, что у нас должны возникнуть миллионы людей, у которых способ их жизни будет связан с инновационной экономикой. Настоящий глубокий процесс технической модернизации требует такого же глубокого запроса на модернизацию институциональную. Это означает, что модернизация должна пройти сквозь все общество [2, 3, 6].

Экономические власти настаивают на приоритете инновационных прорывов как стратегическом ориентире экономического роста. Однако нельзя не учитывать, что инновационный сектор — даже при самом благоприятном развитии событий — это очень небольшая по весу часть экономики, особенно в России. Все-таки большая часть ВВП создается там, где производятся промышленные товары и услуги массового спроса. Поэтому модернизировать только отдельно взятый сегмент экономики — не тождественно настоящей модернизации. Опыт многих стран говорит за то, что первоначальные вложения должны пойти в традиционные сектора, где сформированы конкурентные преимущества и которые могут успешно конкурировать сначала на внутренних, а позже и на мировых рынках.

Говоря о технологических прорывах, власти делают акцент на количественных индикаторах, забывая о том, что они на самом деле уже демонстрировали позитивную динамику, однако не повышали качества и устойчивости экономики. К таким параметрам относится, например, ВВП, который реально вырос за 2000-е годы более чем на 60%, однако при этом качество жизни в стране осталось невысоким, а сама

модель роста — неустойчивой. Отсюда очевидно, что институционально к начавшемуся росту мы оказались не готовы: институциональная составляющая стратегии принципиально важна. Должны появиться эффективные институты развития, способные трансформировать количественно растущие доходы в качественный рост [1].

Если исходить из терминологических определений, модернизация — это изменение в соответствии с требованиями современности: придание современного характера чему-либо, приспособление к современным взглядам, идеям, потребностям. Другими словами, модернизация предполагает, что где-то есть уже некая современность, и что необходимо продвинуться по ускоренному пути к этому образцу. Значит, потребность нашей страны в модернизации означает, что нам есть к чему стремиться, есть, кого догонять. Речь идет, безусловно, о странах Западной Европы, Северной Америки и Восточной Азии. Таким образом, наша модернизация — догоняющая. Основу такой модернизации может составлять ускоренное изучение и перенимание опыта, технологий, институтов успешно модернизированных стран. Однако именно это дается нам сложнее всего. На уровне менталитета нам легче безуспешно броситься в технологический прорыв, чем сознаться самим себе, что мы станем кого-то догонять, у кого-то учиться. Поэтому в риторике властей чаще обсуждаются прорывы в ряде отраслей, где конкурентоспособность подорвана почти бесповоротно, и при этом практически не вспоминается необходимость перенимать, учиться, импортировать знания, опыт, технологии, структуры, подтвердившие свою успешность: лишь изредка встречаются упоминания о возможной пользе импорта технологий и институтов. Вместе с тем макроэкономика свидетельствует, что даже в современную эпоху рост модернизированных экономик, опирающийся на собственные инновации, не превышает 1–1,5% в год. Только догоняющий рост (рост за счет заимствований) позволяет достигать устойчивых высоких темпов. То есть, пытаясь опереться как на основной двигатель модернизации на собственные уникальные разработки, сдвигающие технологическую границу, мы сами существенно замедляем потенциал своего роста. С точки зрения оптимального использования ресурсов такое позиционирование научно и эмпирически необосновано. Таким образом, открытость (включенность в мировые культурные, информационные, научные и бизнес-процессы), и готовность к обучению и к изменению — должны стать основой для ускоренной модернизации следующих десятилетий.

Если говорить о комплексных взглядах экономистов на проблему модернизации, то, например, С. Хантингтон обосновывает вывод о том, что наиболее адекватной формой развития обществ представляется национальная модель модернизации, возникающая на некотором достигнутом уровне вестернизации [3, 4, 5]. Россия с этой точки зрения отличается достаточно высокой степенью вестернизации, но все еще нуждается в большем усвоении экономических механизмов и некоторых форм политической жизни западных стран. Таким образом, задача сегодняшнего дня — выработка целевой функции модернизации, после чего необходимо четко определиться с инструментарием: инновационный прорыв или технологические заимствования.

Очень важно, что за последние два десятилетия Россия прошла колоссальный путь модернизации, и в стране уже накоплен как положительный, так и отрицательный опыт. Большая часть улучшений жизни общества связана как раз с успешными заимствованиями. Практически все наши текущие улучшения образа жизни (например, сотовая телефония) — результаты успешных заимствований, конвергенции с мировым технологическим и культурным процессом, которая произошла, несмотря на неразвитость рынков и правовых институтов.

Очень важно, что ничто из этих локальных модернизаций не было национальным проектом, не получало огромных дотаций из бюджета, однако качество жизни явно изменилось в лучшую сторону, а бизнес смог хорошо заработать, создавая целые отрасли новой экономики. Просто бизнес оказался наиболее эффективен в заимствовании и адаптации мировых достижений: конкурируя между собой, компании точно скопировали стандарт поведения, принятый во всем развитом мире. Однако мы все еще в разы отстаем от развитых стран по всем измеряемым показателям качества жизни и производительности. А значит, основа для дальнейшего ускоренного роста — все та же: открытость к миру, готовность перенимать и учиться, поиск и адаптация лучшего опыта и технологий.

Даже беглый взгляд на структуру экономики развитых стран показывает, какой потенциал заложен в традиционных ориентированных на внутренних рынок, отраслях экономики, кото-

рые практически невозможно заменить импортом. Модернизация здравоохранения с переносом большей части в зону открытой экономики (до 15% ВВП в развитых странах), развитие страхования и финансового сектора, реальная либерализация строительства и сектора недвижимости (до 10% ВВП), создание недискриминационных условий для малого и среднего бизнеса (потенциал самозанятости более 20% ВВП), либерализация ЖКХ, опережающее развитие инфраструктуры (при существенном государственном участии), снижение периметра монополий до сферы естественных монополий, модернизация практически всех отраслей, предоставляющих общественные услуги. Однако все это требует предварительных институциональных трансформаций. Следовательно, первыми шагами на пути восстановления траектории роста должны стать движения в сторону трансформации или импорта институтов, предшествующие концентрированной стратегии технологических заимствований.

Вместе с тем при беглом взгляде на Россию складывается впечатление, что страна не приспособлена к качественному развитию. 2000-е гг. обеспечили впечатляющие темпы роста и долгожданное ощущение стабильности. Но в смысле качества роста, увы, эти годы остались потерянными. Высокие темпы роста обеспечивались ценами на нефть, порожденным сырьевыми доходами потребительским спросом и надутым пузырем фондового рынка, потому и падение в кризис оказалось глубоким. Госкорпорации в нынешнем виде не сработали как институты развития.

Существует мнение, что современная Россия не может модернизироваться по ряду объективных причин. Пытаясь найти свой путь в течение двадцати последних лет и достигнув некоторых локальных успехов, страна попала в ловушку.

Классическая индустриальная модернизация, которая в разное время вывела вперед страны Восточной Азии, невоспроизводима в России: азиатские страны были бедны, необразованны, в них преобладало сельское население. В России все это было преодолено еще в советский период, но конкурентоспособной страна она так и не стала. Вместе с тем, будучи ресурсозависимой страной, мы живем незаработанным богатством — и потому нам чужда стратегия именно индустриальной модернизации. «Ресурсное проклятье» обогатило элиту и тем самым перетащило в XXI в. архаичные, общественные отношения, которые воспрепятствовали появлению столь важных для потенциальной успешной модернизации институтов. А разговоры властей о «постиндустриальной модернизации» игнорируют тот факт, что она бывает лишь естественной, поступательно вырастающей из развитого индустриального общества, которое сначала надо создать.

Экономические неудачи властей на первом этапе реформ в начале 1990-х годов, сопряженные с неготовностью людей активно работать ради достижения своих целей, привели к дискредититации в глазах населения традиционной модели классической либеральной экономики, которая в сознании большинства ассоциируется теперь с неуправляемостью.

Мировая экономическая история свидетельствует, что все догоняющие модернизации предполагали заимствования: технологическое заимствование и импорт институтов. Но Россия — страна, которая в ряде отраслей была мировым лидером и которая во времена СССР считала себя строителем нового мира. Из нее не может получиться добросовестного ученика, но и лидером, единожды развенчавшись, тоже уже никогда не стать. Страна стремится быть особенной. Но для этого у нее нет ни ресурсов, ни возможностей.

Россия не может использовать во благо модернизации и внешнеполитические позиции. Оставаясь вне ВТО и отрицая саму возможность вступления в ЕС, Россия стремится (и будет и впредь стремиться) сохранять статус-кво, несмотря на то, что в долгосрочной перспективе данная задача невыполнима.

Страна слишком богата, чтобы провести успешную индустриализацию, но слишком бедна, чтобы породить внутренний спрос на технологии. Слишком умна, чтобы заниматься копированием, но не так профессиональна, чтобы добиться технологического лидерства. Мы кажемся себе слишком особенными, чтобы быть нормальной страной, но слишком слабы и неоригинальны, чтобы претендовать на большее [1, 3].

Эти дилеммы неразрешимы, и ни одна из них не будет снята с повестки дня в ближайшее время. Потому что никто в России не призовет открыть страну для иностранных инвестиций, сдать часть суверенитета Европейскому союзу и отказаться от преимуществ «энергетической сверхдержавности».

Передовые технологии дают модернизационный эффект не сами по себе, а путем воздействия на социальные практики и отношения, то

есть через мультипликатор. Запустить модернизацию можно централизованно, но эффект будет вялым.

Модернизация должна быть эволюционной, если под этим понимать поступательное создание механизмов конкуренции. Она должна быть консервативной, если под консерватизмом понимать бережное сохранение лучших традиций. Она должна быть национальной, если под этим не понимается отказ от заимствования опыта и лучших зарубежных практик.

В случае если переломить институциональное нежелание экономики меняться не удастся, есть риск, что возведение внешне красивой модели новой экономики России станет нашим единственным шансом на величие в мире глобальной конкуренции, когда другие пути для нас практически закрыты. Но если модернизация сдвинется с места, то практически не вызывает сомнения то, что следующий качественный шаг по увеличению ВВП и улучшению нашей жизни мы сделаем не через прорыв в нанотехнологиях, а через следующий этап эффективных заимствований.

Список источников

1. *Diamond L.* Thinking About Hybrid Regimes // The Journal of Democracy. 2002. № 13(2).

2. *Eisenstadt S.* Modernization, Protest, and Change. Hebrew University Press, 1966.

3. *Huntungton S.* Culture Matters: How Values Shape Human Progress. Harvard, 2000.

4. *Huntungton S.* The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman and London: University of Oklahoma Press, 1991.

5. *Huntington S.* Democracy's Third Wave // The Journal of Democracy. 1991. №2(2).

6. *Kopstein J., Reilly D.* Geographic Diffusion and the Transformation of the Postcommunist World // World Politics. 2000. №53(2).

УДК 330.43:332.14
ключевые слова: инновации, региональные факторы, региональная политика, оптимизация